

М. Вирт

История торговых кризисов в Европе и Америке

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Вирт**
История торговых кризисов в Европе и Америке / М. Вирт – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 488 с.

ISBN 978-5-4241-0980-5

ISBN 978-5-4241-0980-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСТОРИЯ ТОРГОВЫХЪ КРИЗИСОВЪ

ВЪ

ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

1.

Любекскій торговый кризисъ въ началѣ XVII столѣтія.

Между торговыми городами сѣверной Европы, Гамбургъ развился раньше всѣхъ другихъ. Уже въ первые вѣка Германской Имперіи онъ былъ не только центромъ всей сѣверно-европейской торговли, къ которому стекались и отъ котораго исходили всѣ торговые пути изъ внутреннихъ частей Германіи, изъ Англіи и изъ Нидерландовъ, въ особенности же изъ Скандинавскихъ королевствъ, но и служилъ посредникомъ значительной торговли съ востокомъ—по сухому пути черезъ Нижній Новгородъ, который можно было до известной степени разсматривать какъ факторію Ганзейскаго союза. Какъ глава послѣдняго, Гамбургъ владычествовалъ надъ сѣверными морями, предписывалъ свои законы королямъ Скандинавіи, простиралъ свои колоніи до Норвегіи (Бергенъ), до Россіи (Архангельскъ) и даже въ Англіи пользовался торговыми привилегіями передъ туземными купцами. Даже послѣ того, какъ вслѣдствіе открытія Америки, обогнутаго мыса Доброй Надежды, занятія Константинополя и парализованья всей торговли въ Средиземномъ Морѣ турками, путь торговли съ Востокомъ измѣнился и Ганзейскій Союзъ пришелъ въ упадокъ,—даже и послѣ этого, Гамбургъ, изо всѣхъ городовъ этого достопримѣчательнаго союза, наиболѣе сумѣлъ поддержать свою обширную торговлю. Сравнительно мало пострадавъ отъ страшныхъ опустошеній тридцатилѣтней войны, онъ сталъ средоточіемъ главнѣйшихъ торговыхъ сношеній Германіи и Скандинавскихъ королевствъ съ Россією, Англією, Нидерландами, Америкой и богатѣйшими торговыми центрами земнаго шара; это значеніе онъ сохранилъ и до новѣйшихъ временъ.

Нѣкоторое время Любекъ стремился оспаривать первенство у Гамбурга, но уже въ началѣ XVII столѣтія въ Любекѣ стали раздаваться жалобы на упадокъ торговли и на то, что Гамбургъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе опережаетъ своего соперника. Золотой вѣкъ любекской торговли приходится между половиною XIV и половиною XV столѣтій. Въ то время Любекъ былъ первостепеннымъ рынкомъ, не только для ближайшихъ своихъ сосѣдей—Гольштейна, Лауэнбурга и Мекленбурга, но и для болѣе отдаленныхъ мѣстностей Германіи,—для Люнебурга, Брауншвейга, Зальцведеля, Магдебурга, для всѣхъ городовъ Гарца и, даже, вплоть до Франконіи и до при-рейнскихъ мѣстностей; въ особенности значеніе его увеличилось послѣ того, какъ внутренняя торговля получила необычайное для того времени облегченіе черезъ соединеніе Эльбы съ Травой посредствомъ Штѣкницкаго канала. Подъ покровительствомъ Ганзы образовались, кромѣ того, особые торговые и судоходныя компаніи, которыя, смотря по мѣсту своего назначенія, назывались Фландрскими, Бергенскими, Новгородскими, Стокгольмскими и Рижскими. Любекцы занимались непосредственною торговлею между различными мѣстностями, оставлявшею собственный ихъ городъ въ сторонѣ; такъ они поддерживали оживленные прямыя сношенія между Англіей и Фландріей, и между Бергеномъ и Скандіей, и обратно; не одинъ корабль, снаряженный на ихъ счетъ въ Новгородѣ, перегружалъ помощью шкунъ свой фрахтъ на корабли, отходившіе въ Лондонъ или Брюгге, и, обратно, забиралъ ихъ грузы для доставки въ Новгородъ или Ригу. Но по мѣрѣ того, какъ появившееся вскорѣ за тѣмъ возрастаніе предпримчивости въ англичанахъ и голландцахъ стало вытѣснять любекцевъ, они утрачивали одну торговую привилегію за другою, и въ XVII столѣтіи торговля Любека пришла въ такой упадокъ, что ему, какъ было замѣчено выше, стало очень трудно выдерживать конкуренцію Гамбурга. Между тѣмъ, какъ разъ въ эту эпоху Любекъ, повидимому, сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобы снова завоевать себѣ свое прежнее положеніе; это усиліе повлекло за собою періодъ сумасшедшихъ спекуляцій и затѣмъ—денежный кризисъ, первый въ исторіи Германской имперіи, о которомъ имѣющіеся источники сообщаютъ намъ сколько нибудь опредѣленные данныя. Торговые спекуляціи, охватившія всѣ сѣверные города, сдѣлались такъ обширны, что наличнаго капитала на нихъ не хватало; пришлось обратиться къ кредиту, и тогда появились едва ли не первые случаи злоупотребленій вексельнымъ кредитомъ, о какихъ упоминается въ исторіи торговли. Необычайный спросъ на капиталы поднялъ обычный процентъ до такихъ громаднхъ даже для того времени размѣровъ, что весь барышъ даже съ неэфмерныхъ торговыхъ предпріятій поглощался имъ; такимъ образомъ, въ дѣлахъ наступилъ подъ конецъ политѣйшій застой, а за тѣмъ разлилась паника, среди которой многіе лишились всего своего состоянія. Одинъ бургомистръ города Любека, по имени Брокесъ, описалъ этотъ эпизодъ въ

своемъ дневникѣ, веденномъ съ 1603 по 1620 г., въ слѣдующихъ внушительныхъ строкахъ:

„И въ оныя дни моей жизни произошелъ неслыханный застой въ дѣлахъ и стали взиматься такіе нехристіанскіе проценты, и въ торговлѣ и въ денежномъ обращеніи настала такая чрезмѣрная дороговизна, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, ничего подобнаго не бывало. И таковымъ ростовщичествомъ занимались именитѣйшіе бургомистры и члены магистрата; и граждане, и знатные господа въ Гольштейнѣ пускали такимъ образомъ свои деньги въ оборотъ; и вслѣдствіе этого, многіе граждане, по своей неосторожности, высокомѣрію и чванству, желая на чужія деньги пустить другимъ пыль въ глаза и вести большія торговые дѣла, позабывъ Бога и навлекши на себя гнѣвъ Его, къ великому своему ущербу, не замѣчали, что платимые ими проценты поѣдали ихъ, пока разореніе не отутилось у нихъ на носу. Тогда оказалось, что они такъ запутались взаимными поручительствами другъ за друга и письменными обязательствами другъ передъ другомъ, что всѣ они черезъ это погибли и обѣдѣли, и вынуждены были бѣжать, оставляя обманутыми многіхъ честныхъ людей, поручившихся за нихъ; между сказанными поручителями, кто могъ платить—платилъ, а кто не могъ—бѣжалъ заодно съ обманувшими его и между этими людьми, разоренными поручительствами, многіе, еще въ молодыхъ лѣтахъ, умирали съ горя... И вотъ почему, дѣти мои и наслѣдники, все сіе я записалъ въ примѣръ и поученіе вамъ, дабы вы боялись Бога, и придерживались смиренія и трудолюбія, и не гонялись за большими торговыми оборотами, прежде, чѣмъ то вамъ будетъ дано отъ Бога. Ибо желающіе разбогатѣть насильственнымъ скоро обыкновенно обрѣтаютъ лишь нищету и банкротство.“

Такъ какъ кризисъ этого времени былъ еще увеличенъ неурядицей монетной системы, то Любекъ старался помочь послѣдовавшему за кризисомъ застою въ дѣлахъ и вообще паденію своей торговли приведеніемъ въ порядокъ монетной системы. Такъ какъ около 1619 г. такъ называемые „кипперы“ и „винперы“ (обрѣзчики монетъ) пустили въ обращеніе отъ имени и подъ гербомъ города Любека много фальшивой монеты, то города Любекъ, Гамбургъ и Временъ вступили 6-го апрѣля 1620 г. съ герцогами Мекленбургскими въ соглашеніе, имѣвшее цѣлью устранить это зло. Но соглашеніе оказалось столь неэффективнымъ, что на слѣдующій же годъ цѣнность рейхсталера поднялась до 54-хъ шиллинговъ. Вслѣдствіе этого въ 1622 г. отъ датскаго короля, выступавшаго тутъ въ качествѣ герцога Голштинскаго, а также отъ герцоговъ: Померанскаго, Мекленбургскаго и Саксенъ-Лауэнбургскаго, были посланы представители, которые съѣхались въ Любекъ съ уполномоченными Любека, Времена и Гамбурга и издали по общему соглашенію монетный эдиктъ, назвавшій въ 1623 году извѣстный день, послѣ котораго рейхсталеръ, стоявшій въ ту пору въ 48 шиллингахъ, долженъ былъ считаться лишь въ 40 шиллинговъ. Публика

была, по свидѣтельству фонъ-Мелле, очень довольна этимъ эдиктомъ; тѣмъ не менѣе въ торговлѣ талеръ еще долгое время продолжалъ цѣниться въ 48 шиллинговъ, по причинѣ большого удобства этой послѣдней цифры для дѣленія и счета.

II.

Тюльпаноманія въ Нидерландахъ.

Вторымъ торговымъ кризисомъ, занесеннымъ въ лѣтописи исторіи, былъ кризисъ, вызванный въ Голландіи сумасшедшими спекуляціями на тюльпаны въ XVII столѣтіи.

Въ 1554 году тюльпанъ былъ привезенъ изъ Адрианополя въ западную Европу естествоиспытателемъ Вусбекомъ. Когда этотъ цвѣтокъ, постепенно распространяясь и размножаясь, былъ акклиматизированъ и въ Нидерландахъ, онъ сдѣлался предметомъ такого страстнаго любительскаго увлеченія, что въ 1634—1638 гг. увлеченіе это приняло характеръ настоящей маніи; а эта манія сдѣлалась богатымъ источникомъ наживы для спекулянтовъ, преимущественно въ городахъ: Амстердамѣ, Утрехтѣ, Роттердамѣ, Алькмарѣ, Лейденѣ, Гарлемѣ, Энкhuizenѣ, Віаненѣ, Горнѣ и Меденбликѣ. Торговля тюльпанами велась также, какъ и всякая другая биржевая афера, при чемъ мѣриломъ цѣнности принимался вѣсъ луковичъ. Деньги, помѣстья, дома, скотъ, домашняя утварь, одежда—все отдавалось и прозакладывалось за луковичы тюльпановъ.

Въ одномъ старинномъ сочиненіи (*de opkomst en ondergang van Flora, Amsterdam 1643*) разсказывается: дворяне, купцы, ремесленники, матросы, крестьяне, носильщики тяжестей, трубочисты, батраки, служанки, торговки тряпьемъ и т. д.—все были одержимы одной и той же страстью. Сначала все оставалось въ барышахъ и многіе наживались оборотами, такъ что, употребляя выраженіе, бывшее послѣ крестьянской войны въ большомъ ходу въ Германіи и заимствованное оттуда голландцами,—становились настоящими „господами Гаузейцами“. Во всѣхъ городахъ были избраны харчевни, замѣнявшія биржу, и въ этихъ харчевняхъ знатные люди и простолюдины покупали и продавали цвѣты и скрѣпляли заключенныя сдѣлки обильными угощеніями. Тутъ же, къ ихъ услугамъ, имѣлись нотаріусы и писцы.

„Исторія тюльпаноманіи въ Голландіи, говоритъ Джонъ Фрэнсисъ, въ поучительности не уступаетъ исторіи любого другого подобнаго періода. Въ 1634 г. главнѣйшіе нидерландскіе города были вовлечены въ барышничество, которое, поощряя биржевую игру, губило солидную торговлю, служило приманкой для ненасытности богачей и для алчности бѣдняковъ, поднимало цѣну цвѣточной луковичы выше, чѣмъ собственный ея вѣсъ золотомъ, и кончилось, какъ кончаются все подобныя періоды, бѣдствіемъ и отчаяньемъ. Многіе разорились въ

конецъ, лишь немногіе успѣли обогатиться. На тюльпаны накидывались въ 1634 г. такъ же жадно, какъ въ 1844 накидывались на желѣзнодорожные промессы (въ Англіи,—или, добавимъ мы отъ себя, какъ 1856 накидывались на кредитныя акціи въ Германіи). Спекуляція уже и въ то время велась на тѣхъ же началахъ, какъ и теперь. Сдѣлки заключались на доставку извѣстныхъ сортовъ тюльпанныхъ луковицъ и если, какъ то однажды случилось, на рынкѣ оказывались лишь два экземпляра, то земля, лошади, быки, все имущество продавалось и прозакладывалось, чтобы уплатить разность. Заключались контракты и платили тысячи гульденовъ за такіе тюльпаны, которыхъ ни маклера, ни продавцы, ни покупщики никогда въ глаза не видали. Нѣкоторое время, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобные періоды, выигрывали всѣ и никто не терилъ. Бѣдняки обогащались. Знатные и убогіе торговали цвѣтами. Нотаріусы наживали огромныя деньги и голландецъ, при всей своей трезвости, предавался мечтамъ о прочномъ благополучіи въ будущемъ. Люди самыхъ различныхъ профессій торопились превратить свое имущество въ деньги. Дома и посуда продавалась за безцѣнокъ. Вся страна предавалась обманчивой надеждѣ, что страсть тюльпановъ будетъ продолжаться вѣки вѣчныя; а когда узнали, что горячка эта охватила и другія страны, то не на шутку вообразили, что богатство всего міра стечется къ берегамъ Зюдерзее и что бѣдность впредь сдѣлается въ Голландіи преданіемъ временъ минувшихъ. Что этому вѣрили совершенно серьезно доказывается тѣми цѣнами, которыя платились; видно глубокіе корни пустила эта манія, если, какъ свидѣлствуютъ многіе вполне достовѣрные современники, за одну луковичу извѣстнаго сорта отдавали имущество стоимостью въ 2500 флориновъ, если экземпляръ другого сорта цѣнился обыкновенно въ 2000 фл., если за третій сортъ давали карету и пару лошадей со сбруей, а за четвертый—12 десятинъ земли.“

Четыреста гранъ одной тюльпанной луковичы, именуемой Адмираль Лифкенъ, стоили 4400 флориновъ, 446 гранъ Адмирала Ванъ-деръ-Эйка—1620 фл. 1600 гранъ Шильдера—1615 фл., 410 гранъ Вице-Короля—3000 фл. 200 гранъ *Semper Augustus*—5500 фл. и т. д. Городскія записи города Алькмара свидѣлствуютъ, что въ 1637 г. сто двадцать тюльпанныхъ луковицъ были проданы съ публичнаго торга въ пользу сиротскаго дома и дали 900000 флориновъ. Жители города Гарлема были такъ помѣшаны на торговлѣ тюльпанами, что они въ то время всюду были извѣстны подъ прозвищемъ „Цвѣточниковъ“ и т. д.

Одинъ человекъ въ нѣсколько недѣль нажилъ 60,000 фл.; но за то и многіе богатые дома въ конецъ разорились.

За какіе нибудь два, три года, въ одномъ только изъ городовъ Голландіи, на тюльпанахъ было сдѣлано оборотовъ на сумму болѣе, чѣмъ въ десять милліоновъ. Весь механизмъ биржевой игры, какимъ мы увидимъ его въ позднѣйшіе періо-

ды, былъ тогда уже, въ XVII столѣтїи, въ полномъ ходу со всѣми своими продѣлками. Только акція называлась „тюльпаномъ“ и въ томъ была вся разница.

Изъ множества комическихъ анекдотовъ, сохранившихся отъ этого времени, мы сообщаемъ только два. Одинъ купецъ приобрѣлъ луковицу тюльпана за 500 флориновъ. Вскорѣ послѣ того одинъ матросъ доставилъ ему на домъ товары, присланные изъ чужихъ странъ. Купецъ велѣлъ угостить матроса свѣжей селедкой и кружкою пива. Морякъ, увидѣвъ драгоценную луковицу, лежавшую по близости отъ него, принялъ ее за обыкновенный лукъ, очистилъ ее отъ шелухи и съѣлъ съ селедкой. Эта ошибка обошлась купцу дороже, чѣмъ если бы онъ вздумалъ угостить завтракомъ самого принца Оранскаго.

Одинъ англичанинъ нашелъ въ саду двѣ луковицы и сунулъ ихъ себѣ въ карманъ, чтобы произвести надъ ними какія то естествонаучныя наблюденія; но его за это обвинили въ воровствѣ и ему пришлось заплатить большіе проценты и убытки.

Всѣ эти безумныя спекуляціи вскорѣ привели къ самой плачевной развязкѣ. Въ 1637 г. насталъ внезапный поворотъ въ общемъ настроенїи. Разразилась паника, довѣріе исчезло, заключенныя условія были нарушены. Во всѣхъ городахъ Голландїи стали появляться объявленія о продажахъ имуществъ за долги, мечты о несмѣтныхъ богатствахъ исчезли, и тѣ, которые еще недѣлю тому назадъ, были такъ счастливы обладаніемъ нѣсколькихъ луковицъ, долженствовавшихъ доставить имъ, по своей реализаціи, княжеское состояніе, теперь печально и растерянно смотрѣли на лежавшіе предъ ними жалкіе клубни, не имѣвшіе сами по себѣ никакой цѣнности и которые уже болѣе нельзя было сбыть съ рукъ за что бы то ни было.

Чтобы предотвратить ударъ, торговцы тюльпанами созывали публичныя собранія и говорили великолѣпныя рѣчи, въ которыхъ доказывали, что ихъ товаръ отнюдь не утратилъ своей цѣнности и что паника бессмысленна и несправедлива. Рѣчи вызывали громкія рукоплесканія, но луковицъ никто не хотѣлъ покупать; пробовали грозить жалобами въ судъ за нарушеніе договора, но это ни къ чему не повело, такъ какъ суды отказывались давать ходъ дѣламъ, возникшимъ изъ азартной игры. Обращались даже къ мудрости генеральныхъ штатовъ въ Гаагѣ, но и тѣ ничего не могли сдѣлать, такъ какъ вообще не во власти правительства было найти лѣкарство для этой болѣзни.

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ страна оправилась отъ этого удара и торговля излечилась отъ ранъ, нанесенныхъ ей тюльпаноманїей. Эта манія не ограничивалась одной Голландїей, но распространилась на Лондонъ и на Парижъ, придавъ тюльпану и въ этихъ двухъ первыхъ столицахъ цѣлаго міра искусственную цѣнность, которую онъ въ дѣйствительности никогда не обладалъ.

III.

Англійскій денежный кризисъ 1696.

Эпидемически господствовавшее въ средніе вѣка по всей Европѣ ухудшеніе звонкой монеты, — ухудшеніе, которому отчасти содѣйствовала чрезмѣрная многочисленность монетныхъ дворовъ, не ограничивалось однимъ правительственнымъ пониженіемъ ихъ пробы. Обрѣзываніе и фальсификація монетъ успѣли возрасти до размѣровъ общественнаго бѣдствія. Въ Великобританіи это тоже было такъ распространено, что парламентъ нашелся вынужденнымъ изъять плохую монету изъ обращенія. Второе мая 1696 года было назначено послѣднимъ днемъ, въ который обрѣзанные кроны, полкроны и шиллинги будутъ приниматься въ государственное казначейство при уплатѣ податей. Повидимому, правительство не приняло достаточныхъ мѣръ, чтобы заготовить необходимыя для правильнаго хода торговыхъ дѣлъ денежные знаки въ такомъ количествѣ, которое позволило бы, по мѣрѣ изытія старой монеты изъ обращенія, замѣнять ее новой. Къ этому присоединилось еще, какъ это обыкновенно бываетъ, то обстоятельство, что публика откладывала возвращеніе обрѣзанныхъ серебряныхъ монетъ вплоть до послѣдней минуты. Черезъ это произошелъ настоящій денежный кризисъ, продолжавшійся три мѣсяца; за этотъ періодъ стѣсненіе было такъ велико, что даже богатые люди затруднялись при уплатѣ за предметы первой жизненной необходимости; масса же народа вынуждена была прибѣгать къ отмѣткамъ на биркахъ или же возвращаться къ первобытному способу — обмѣну продуктовъ на продукты.

Государственное казначейство, рассказываетъ Маколей, съ разсвѣта и до полуночи осаждалось толпами народа, такъ что принуждены были призывать войска для поддержанія порядка. Большая часть стараго серебра исчезла; между тѣмъ новое серебро едва начинало показываться. Въ подвалѣ казначейства лежало не болѣе четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ въ слиткахъ и въ звонкой монетѣ, а монетный дворъ работалъ слишкомъ медленно для покрытія такой потребности. Правда, имѣлось еще нѣкоторое количество старыхъ необрѣзанныхъ кронъ и шестипенсовыхъ монетъ, но и старыхъ и новыхъ денегъ все-таки не хватало для обмѣна. Фабриканты были крайне затруднены при уплатѣ своимъ рабочимъ звонкою монетою. Между наиболѣе достаточными классами весьма многіе, повидимому, жили въ кредитъ. Даже богатый человѣкъ, говоритъ Маколей, рѣдко имѣлъ средства расплачиваться за недѣлю по счетамъ своего булочника и мясника. Но росписки такого человѣка обыкновенно охотно принимались въ томъ околоткѣ, гдѣ его знали. Росписки богатыхъ мѣнялъ Ломбардстрита обращались повсюду наравнѣ съ чистыми деньгами. Нѣкоторую помощь оказывали и билеты англійскаго банка, основаннаго всего за два года

передъ тѣмъ, и помощь эта была бы, быть можетъ, еще значительнѣе, если бы незадолго до этого парламентъ не выдалъ концессіи соперничающему учрежденію — „земельному банку“; вслѣдствіе этой концессіи довѣріе публики къ англійскому банку пошатнулось и акціи его пали со 110 на 88. Къ этому присоединился еще заговоръ золотыхъ дѣлъ мастеровъ Ломбардстрита, росписки которыхъ до этого обращались вмѣсто банковыхъ билетовъ и которые въ существованіи сказаннаго банка видѣли ущербъ своимъ интересамъ. Они позаботились стянуть къ себѣ со всѣхъ сторонъ бумаги этого учрежденія и представили ихъ къ нему 4-го мая, какъ разъ въ ту минуту, когда большая часть старыхъ денегъ была поглощена и начиналось замѣшательство вслѣдствіе недостатка новой монеты. Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ представилъ требованіе на 30,000 фунт. стерл. Директоры банка однако не растерялись. Они отказались уплачивать по тѣмъ билетамъ, которые были представлены участниками этого заговора, и предоставили владѣльцамъ таковыхъ билетовъ обращаться за содѣйствіемъ къ суду, между тѣмъ какъ добросовѣстные кредиторы продолжали получать удовлетвореніе. Тогда стали появляться пасквили, въ которыхъ англійскій банкъ противопоставлялся въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ земельному банку, но директоры нѣкоторое время храбро выдерживали поднявшуюся противъ нихъ бурю. Вскорѣ, однако же, они увидѣли себя въ невозможности уплачивать звонкою монетою даже добросовѣстнымъ кредиторамъ. Тогда они придумали новое средство выпутаться изъ бѣды. Они потребовали отъ акціонеровъ двадцати-процентнаго добавочнаго взноса и такимъ образомъ составили сумму, позволившую имъ выдавать по каждому требованію по крайней мѣрѣ 18 проц. Билеты они возвращали при этомъ кредиторамъ, съ надписью, обозначающею размѣръ произведенной въ счетъ ихъ уплаты. Мнѣ еще показывали въ подвалахъ англійскаго банка нѣсколько такихъ билетовъ съ надписями, вмѣстѣ съ рукописнымъ билетомъ въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ, хранящимся отъ прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ билеты банка продолжали обращаться, но цѣнность ихъ измѣнялась со дня на день, даже съ часу на часъ, потому что публика находилась въ такомъ возбужденіи, что самая пошлая выдумка какого нибудь биржевого плута встрѣчала вѣру и была достаточна для повышенія или для пониженія курса. Въ одно время лажъ составлялъ 6, въ другое 24⁰/. Десятифунтовый билетъ, который по утру иногда стоилъ 9 фунтовъ, къ вечеру того же дня едва могъ быть проданъ за 8 фунтовъ.

Къ этому то времени относится изобрѣтеніе текущаго долга министромъ финансовъ Вильгельмомъ Оранскаго, Монтегью. Ему удалось провести добавочную статью къ закону о земельномъ банкѣ, уполномочивавшую правительство выпускать процентныя бумаги, — свидѣтельства казначейства, — которыя должны были погашены изъ налоговъ, ожидавшихся къ поступленію въ будущемъ году. Эти бумаги были нѣчто иное, какъ особая форма для взиманія на-

лога впередъ. Среди всеобщей нужды и замѣшательства появились первые выпуски этихъ билетовъ казначейства, представлявшіе различные размѣры стоимости, отъ 100 до 5 фунтовъ стерлинговъ. Они оказались немалымъ пособіемъ при тогдашней всеобщей нуждѣ въ деньгахъ и одно время служили даже орудіемъ обѣла, такъ что министерство, не взирая на клеветы приверженцевъ Іакова, рѣшилось помочь и недостатку мелкой монеты выпускомъ билетовъ въ 20 и 15 шиллинговъ для уплаты жалованья войскамъ. Но это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, вѣроятно потому, что недостатокъ денежныхъ знаковъ мало по малу былъ устраненъ монетнымъ дворомъ. Маколей полагаетъ, что безъ этихъ билетовъ, ходъ правительственной машины долженъ бы былъ остановиться, такъ какъ отъ состоянія валюты пострадали всѣ другіе источники доходовъ.

Между тѣмъ проектъ земельного банка потерпѣлъ плачевное фіаско; даже подписка на его акціи не состоялась. Не взирая на то, что король, желая подать добрый примѣръ, подписался на 5,000 фунт. стерл., изъ требовавшихся 2,600,000 фунт. отъ публики получилось только 2,100 фунт. и предпріятіе пришлось бросить.

Такимъ образомъ опять пришлось обратиться къ англійскому банку для поддержанія правительства средствами, необходимыми для его потребностей. Такъ какъ банкъ лишь съ величайшимъ трудомъ могъ натянуть тѣ 200,000 фунт. стерл., которыя понадобились для отсылки арміи во Фландрію, то рѣшились наконецъ сдѣлать энергическія усилія для ускоренія чеканки новой монеты. Въ эту то эпоху знаменитый астрономъ Ньютонъ былъ назначенъ начальникомъ монетнаго двора. Дарованія, неутомимость и строгая честность знаменитаго ученаго вскорѣ произвели, по словамъ Маколей, полнѣйшій переворотъ въ отрасли управленія, состоявшей подъ его вѣдѣніемъ. Пока обширное дѣло не было доведено до конца, онъ отвѣчалъ непреклоннымъ и почти негодующимъ отказомъ на всѣ попытки его собратовъ ученыхъ въ Англіи и на материкѣ отвлечь его отъ исполненія этой обязанности. Прежніе чиновники монетнаго двора вѣяли себѣ въ великую заслугу, что они успѣвали выекаивать на 15,000 фунт. стерл. серебра въ недѣлю. Когда министръ финансовъ Монтегью заговорилъ о 30—40,000 въ недѣлю, они объявили это дѣло невозможнымъ. Но молодой канцлеръ казначейства вмѣстѣ съ своимъ другомъ, начальникомъ монетнаго двора, совершилъ еще и не такія чудеса. Вскорѣ 19 новыхъ прессовъ для тисненія монетъ работали въ лондонской башнѣ, новые монетные дворы были устроены въ Бристолѣ, Іоркѣ, Норвичѣ и Честерѣ. Еженедѣльно выекаивалось монеты на 60,000, на 80,000 и подъ конецъ даже на 100,000 и на 120,000 фунт. стерл. Машины и рабочіе встрѣчались въ городахъ, гдѣ открывались новые монетные дворы, колокольнымъ звономъ и пущечными выстрѣлами.

Но эта усиленная чеканка монеты могла не вдругъ помочь бѣдѣ. Къ тому

же не вся новая серебряная монета попала въ обращеніе, такъ какъ существовала партія, требовавшая повышенія номинальной цѣны монеты, и многіе, считавшіе подобную мѣру возможной, удерживали у себя какъ можно больше денегъ въ ожиданіи этого момента. Такъ прошло три мѣсяца прежде, чѣмъ умноженіе звонкой монеты дало себя почувствовать, и кризисъ постепенно миновалъ. Раздраженіе народа во время этого кризиса еще болѣе усиливалось нелѣпнымъ образомъ дѣйствія представителей администраціи, распоряженія которыхъ нерѣдко противорѣчили одно другому. Такъ, въ одномъ округѣ грозили всякому, кто откажется принимать обрѣзанную монету, а въ другомъ округѣ повелѣніе парламента строго соблюдалось. Въ одной мѣстности толпа народа, по наущенію патеровъ и приверженцевъ Іакова, осадила домъ одного члена парламента, и съ шумомъ требовала, чтобы онъ обмѣнялъ имъ старыя деньги на новыя. Когда же джентльмэнъ согласился на это требованіе, то во всей толпѣ нашлась только одна обрѣзанная монета въ полъ-сверѣна. На неумолимаго кредитора, настаивавшаго на уплатѣ въ срокъ звонкою монетою, указывали пальцемъ и натравляли на него его же собственныхъ должниковъ.

Дѣйствіе кризиса давало себя чувствовать даже въ арміяхъ коалиціи.

IV.

Система Лау во Франціи.

Всего разительнѣе по своимъ проявленіямъ, всего тягостнѣе по своимъ послѣдствіямъ и всего поучительнѣе въ своихъ урокахъ былъ кризисъ, разразившійся во Франціи вслѣдствіе операцій знаменитаго Лау (1715—1720) ¹⁾.

Рѣдко представлялось финансисту болѣе подходящее поле для экспериментовъ, чѣмъ Франція во времена регентства. Съ одной стороны французы болѣе всякой другой націи надики на новизну и охотники до быстрой наживы. Съ другой стороны финансы Франціи были такъ расшатаны непрерывными войнами и расточительностью Людовика XIV, а также вымогательствами откупщиковъ податей, что во второй половинѣ царствованія этого короля страна лишилась почти половины своего національнаго богатства, что за тридцать лѣтъ общенародный годовоі доходъ уменьшился на сумму 1,500 милліоновъ и что Фенелонъ имѣлъ право сказать: „мы продолжаемъ существовать лишь какимъ

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ можно найти у Тьера, а также у доктора Геймана въ его *«Law und sein System, ein Beitrag zur Finanzgeschichte»*, и у Горна въ его сочиненіи: *Jean Law, eine finanzgeschichtliche Skizze*.